Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 зр. 20 кр. чвртр. 1 зр. 10 кр. на мѣстци 4 зр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъ ся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВАЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 40 Львовъ, 28 Вересня 1856. РОКЪ XI.

ЗОЛОТЫЙ КРЕСТИКЪ

Погляньте се старикъ сивый сгорбленный
Пережилъ споры три поры вѣка,
Голову клонитъ, на костуръ скривленный
Оперлась дряхла, безсильна рука.

На лицѣ святость, супокой въ оку,
Морщины долги въорали лѣта,
Бремя тяжкое въ подавшемся кроку,
Уста же шепчутъ: Житье суета!

Лѣзетъ старенькій, незнати куда то
Путь старовину стежками ведетъ,
Окомъ поводитъ такъ мирно, такъ свято,
Вѣдь то старого молитва несетъ.

Тутъ посрастала корчами тернина,
Тамъ съ прежней дубровы остался лишь срубъ;
Тутъ червенѣетсь якъ дѣва калина,
Тамъ съ желтымъ листьемъ стоитъ старый дубъ.

Стежка якъ лента вьется корчами,
Исчезла мгновенно, сюда — не туда!
И роспостерлась старцу подъ стопами
Тихо плывуща смиренна вода.

Станулъ и смотритъ, а тихой водою
Плаваютъ юныи хлопцы въ челнахъ,
Гуляютъ якъ гуси веселясь плавбою.
По чистыхъ, смиренныхъ, сребренныхъ волнахъ.

На побережьи пасется скотина,
Воликовъ стадо телятъ и коровъ
А беззаботныхъ пастырей дружина
Веселитъ свѣтъ свой безжурной игрой.

„Здоровы были хороши юноши!
„Веселитеся безжурно плавбой?
Да не взялибъ вы мене на коркоши,
И перевезли на вторъ бокъ водой?"

Ха! ха! реготъ изъ челнъ роздавался,
Вотъ сухій дѣдъ намъ на старость витязь!
Ктожбы тѣ кости двигати поднялся?
За печь кладись дѣду, по свѣтѣ не лазь!

И буйно якъ реготъ понеслись водою,
А дѣдъ милосерднымъ окомъ позрѣлъ,
И крестикъ сдѣлавъ надъ ними рукою,
Втомленный на берегъ зеленый усѣлъ.

Якъ безкоренна всохла деревина,
Вотъ ляда вѣтрикъ къ землѣ повалитъ;
Такъ надъ водою мовь грибъ, старовина
Усѣвъ на берегъ зеленый сидитъ.

„Горько то горько бродити старому,
„Исчезли якъ мары древніи лѣта,
„Путь отступивши свѣту новому:
„Исчезли смиренность, честь, чемнота!"

„Вотъ чего волосъ съ концемъ добѣлѣлся,
„По что ты бродишь по свѣтѣ старый?
„Иль не довольно тебѣ надоѣлся?
„Вотъ въ сыру глину костякусь сокрый!"

И горестно старикъ споглянетъ очима
Самъ якъ копичка сидитъ край воды,
Схиталъ головою и стиснулъ плечима
„А нужъ но дѣдуню двигнись да броди!"

Въ томъ и маячитъ изъ корчей у лузѣ
Хороша постава и видъ молодца,
Которому мати лежала въ недузѣ,
А газды не было, не было отца.

[П. с.]

Очеркъ исторіи царского дворца и его частей до Петра Великого

Въ концѣ XVII столѣтія почти вся югозападная часть московского Кремля, между воротами Тайницкими, Боровицкими и Троицкими была занята сплошь царскимъ дворцемъ (принимая тое слово въ древнемъ его значеніи). О древнѣйшемъ московскомъ княжемъ дворѣ почти нѣтъ ніякихъ извѣстій ни въ лѣтописахъ, ни въ современныхъ актахъ. Въ первое время своей жизни до половины XIV вѣка Москва не имѣла собственныхъ лѣтописцевъ: всѣ ея событія того времени записаны лѣтописцами другихъ городовъ, напр. Новогородскими, Суздальскими и пр., которыи, внося въ свои сборники извѣстія о Москвѣ большею частію случайно, мимоходомъ, вовсе не касались частныхъ, домашнихъ дѣлъ той не большей великокняжеской отчины, еще мало обращавшей на себя вниманіе. Притомъ и всѣ болѣе или менѣе значительныя событія того времени групировались преимущественно около Владиміра, Новгорода, Рязани и другихъ сильнѣйшихъ городовъ; Москва же оставалась въ глуши своихъ лѣсовъ и не выходила еще на сцену исторіи; потому не только о княжемъ московскомъ дворѣ, но даже и о самомъ городѣ мы не встрѣчаемъ въ лѣтописахъ XIII и XIV ст. ніякихъ особенныхъ подробностей. Впрочемъ тое обстоятельство едва ли можетъ затрудняти насъ въ настоящемъ случаѣ; общее понятіе о древнѣйшемъ дворцѣ московскихъ великихъ князей мы можемъ составити себѣ изъ лѣтописныхъ извѣстій X, XI и XII столѣтій, гдѣ княжій дворъ, нося общія черты и на сѣверѣ и на юзѣ, представляется съ большею опредѣленностью, по крайней мѣрѣ въ отношеніи своихъ частей. Мы знаемъ напримѣръ, что еще при Ользѣ въ Кіевѣ, кромѣ княжаго двора въ городѣ, былъ еще загородный теремный дворъ надъ горою, называвшійся такъ отъ каменного терема: „бѣ бо ту теремъ каменъ." 1) На томъ то дворѣ по свидѣтельству Нестора, совершилось мщеніе Ольги надъ Деревлянами за смерть Игоря: здѣсь погибли лучшіи мужи Древлянъ „въ ямѣ великой и глубокой," нарочно для того ископанной. Можетъ быти, здѣсь же была тая истопка, баня, въ которой другіи мужи Древлянскіи по замыслу Ольги „творили мовь" то есть, парились, по древнему русскому обычаю, и потомъ были сожжены. На томже теремномъ дворѣ при Владимірѣ погибъ и братъ его Ярополкъ. 2) Въ 980 г. Владиміръ, еще язычникъ, поставилъ на томже холму, подлѣ того отняго теремного двора, кумиры своихъ Боговъ Перуна, Хорса, Дажбога, Стрибога и пр. 3); по принятіи христіанства при княжихъ дворахъ ставились уже божницы, православныи храмы. — Впрочемъ тотъ каменный теремъ, упоминаемый почти на первыхъ страницахъ нашей древнѣйшей лѣтописи, былъ конечно большею рѣдкостью въ то время, потому что всѣ тогдашнія постройки были по преимуществу деревянныи, и первообразомъ древнѣйшаго русскаго жилища была клеть — весьма простое не хитрое строеніе, уцѣлѣвшее даже до нашего времени. Вначалѣ она ставилась, можетъ быти, съ однимъ только очагомъ, подлѣ которого

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 23.

2) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 33.

3) Тамъ же стр. 34

согрѣвалась живущая въ немъ семья; но съ того времени, какъ клѣть начали отапливати посредствомъ печи, она именовалась уже истопкою, отъ глагола „топити, истопити," изъ котораго впослѣдствіи образовалось слово изба. Лѣтописи сохранили въ подробности тое любопытное производство; въ нихъ находимъ: истопку, истобъку и наконецъ избу теплу. 4) На княжемъ дворѣ клѣти составляли лѣтніи княжескіи покои; въ клѣтахъ жилъ св. Владиміръ въ своемъ любимомъ селѣ Берестовѣ, гдѣ и скончался. 5) Зимою князья жили обыкновенно въ истопкахъ — въ избахъ, которыя иногда служили банями, какъ мы видѣли выше, и даже мѣстомъ заточенія, тюрьмами. 6)

Кромѣ того въ составъ древнѣйшаго княжаго двора входили также горенка, ложница или одрина, спальня, отъ одра-кровати. 7) То были тѣ же клѣти, получившія особыя названія соотвѣтственно своему назначенію въ княжеской жизни. Должно упомянути еще о гридницѣ и княжей божницѣ.

Гридница. гридня въ древности составляла, кажется, принадлежность одного только княжеского двора. Въ гридницѣ Владиміръ давалъ по воскресеніямъ пиры всѣмъ нарочитымъ мужамъ;" слѣдовательно она служила пріемною и была самымъ обширнымъ покоемъ княжеского двора. Въ Словѣ о Полку Игоревѣ" упоминается о Святославли гридницѣ въ Кіевѣ; въ древнихъ стихотвореніяхъ гридница носитъ епитетъ свѣтлой; въ позднѣйшее время ей соотвѣтствовала, можетъ быти, свѣтлица. — Божницею называлася домовый храмъ князей, въ которомъ они слушали церковныя службы, почти всегда на полатахъ, то-есть на хорахъ соединявшихся съ княжескимъ дворцомъ переходами. „Володиміръ (Галицкій) пойде къ божници, къ святому Спасу на вечерьню и якоже бы на преходѣхъ къ божници, и ту видѣ Петра (посла Изъяславова) ѣдуща, и поругася ему: поѣха мужь руськый объимавъ вся волости, — и то рекъ иде на полати." 8) Впослѣдствіи мѣстоположеніе княжескихъ домовыхъ церквей означается большею частью выраженіемъ: что на сѣнахъ.

Общая характеристическая черта нашихъ древнихъ построекъ заключалась въ томъ, что всѣ избы, клѣти, горенки и пр. становились отдѣльно, безъ общей непосредственной связи; отътого и вся масса зданій на дворѣ называлась собирательно клѣтами, хоромами. Княжескій дворецъ не составлялъ одного цѣлого зданія — собственно дома, какъ теперь, но дробился на множество отдѣльныхъ хороминъ, которыя по необходимости должны были чѣмъ нибудь соединятися. Тое соединеніе, связь всѣхъ отдѣльныхъ клѣтей и избъ составляли сѣни — вообще крытое мѣсто предъ входомъ въ покои. (П.с.)

4) П С Р. Л. I. 93, 97. III. 3.
5) П. С. Р. Л I. 56.
6) Тамъ же стр. 93
7) П. С. Р. Л. I. 24. Томъ II. 72, 113.
8) Тамъ же т. II. 72.

УТРО И ДЕНЬ.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженіе.)

„Ай вай! ваша достойность хоцетъ мнѣ за тотъ великій долгъ, умножившійся съ процентами на 1000 р. малый нашейникъ въ цѣнѣ 100 реньскихъ воздаги? Ба то

*

такъ не бȣдетъ! прошȣ до того нашейника еще 900 р. доложити, тогда погодимсѧ. Впрочемъ по что вамъ той нашейникъ заставлѧти? Ахесъ миръ! вы молоды, и потребȣете оубратисѧ, а ѧ найдȣ въ сельскомъ дворкȣ вашего мȣжа заспокоенїе моего долгȣ, если не полȣчȣ 1000 р. въ томъ мѣсѧцѣ!" поговоривалъ лȣкавый жидъ, оглѧдаючи любопытно золотый оуборъ.

—„О! вы ошибаетесѧ!" озваласѧ ободренна Анна, ѧ знаю добре цѣнȣ того сокровища, и если не соглашаетесѧ со мною, то ѧ идȣ сейчасъ до ювилера, и заставивъ оу него той нашейникъ, принесȣ вамъ цѣлый долгъ, се есть 1000 р. мимо вашей злобы, что такъ великїи процента вы начислили!" На тїи слова посковлилсѧ многажды Шмиль въ головȣ, и покрȣчȣючи пейсами, молчалъ чрезъ малое времѧ, видно что въ превратной его дȣшѣ волновались жидовскїи планы . . . а коли Анна съ нетерпѣливости выбиралась ити, задержалъ Шмиль свою достойнȣ Госпожȣ съ слѣдȣющимъ великодȣшнымъ оувѣщанїемъ: „Ай! ай! ѧкже мнѣ жаль вашей достойности! вамъ только въ такихъ висерахъ строитись! . . . . Нȣ! коли вы такъ оупрямы, прїймȣ ѧ за весь долгъ тотъ маленькїй нашейникъ, прїймаю тогожъ безъ всѧкого вынагражденїѧ! Таже вы молодыи и требȣете можетъ быти краснѣйшаго нашейника." колталъ льстивый жидъ, и отворивши великȣ скриню, исполненнȣ множествомъ золотыхъ и сребрныхъ оукоровъ, оусмѣхнȣлсѧ мерзкимъ ироническимъ лицемъ. Но на той великодȣшной щедротѣ Шмилѧ не конецъ, ибо такъ блистательно изъѧвилъ госпожѣ Россъ свою привѧзанность, что обѣщалъ даже всѣ мебли ей за честны гроши къ себѣ забрати!...

XII.

Ѣдетъ бѣднаѧ Анна на село до своего мȣжа, а тȣтъ передъ нею несетсѧ печальнаѧ тоска и имѣетъ великȣ чашȣ, исполненнȣ горькимъ напиткомъ — источникомъ разрȣшенїѧ временного, и закрываетъ черными крыломъ веселый божїй мїръ длѧ Анны. Исчезли длѧ ней дни веселаго городскаго развлеченїѧ, мгновенїе свѣтного величїѧ и господства, ахъ! исчезло бȣдьто мракъ злобное обманенїе, и въ страшенное дѣйствїе перешелъ оный сонъ Анны — прельстилъ ею свирѣпый змѣй, а несчастнаѧ Анна оузрѣла передъ собою отвертое поле оужасного бѣдствїѧ.

Заѣзжаетъ въ ворота сельского дома, и вмѣсто чтобы Отто на встрѣчȣ любой сȣпрȣзѣ выбѣгъ, находитъ она своего мȣжа — трȣпа на катафалкȣ! . . . . . Не могла несчастнаѧ Анна даже отъ кого нибȣдь точно довѣдатись о болѣзни и смерти мȣжа, ибо дѣвичка есть отъ двохъ седмицъ съоумашедшею, и бѣснȣетсѧ плачевнымъ образомъ по огородѣ, — ейже благородный мȣжъ поѣхалъ до сосѣднаго города взглѧдомъ похорона; а недавно прибывшаѧ изъ Парижа молодаѧ пара занѧта есть своимъ развеселенїемъ!

Зарыдала Анна онымъ жалемъ, ѧкъ когда то при трȣпѣ матери плакала, и выпивши до дна чашȣ горести цѣловала рȣки и ноги мертвеца. Отъ прїѣхавшаго Дȣмокича довѣдалась, что молодый Россъ, скитавшисѧ нѣсколько седмицъ по Карлсбадȣ и Трїестѣ возвращалсѧ оуже домой, и былъ оуже близко города, ѧкъ розогненный молодецъ съ однимъ бродѧгою въ споръ и дȣеллъ запȣтилсѧ, и полȣчивши тамъ смертнȣ ранȣ, едва имѣлъ еще столько силъ, чтобъ возомъ до сего дворца затаскатись и письмо до своей жены по-

слати возмогъ. . . . .

Видячи свою близкую смерть, записалъ несчастный Отто въ последнемъ завѣщанїи своей женѣ той домъ и малый капиталъ, изъ которого онъ доселѣ только процента отбиралъ, зачѣмъ самъ капиталъ въ 24. году жизни его имѣлъ въ руки молодого Росса достатися.

И такъ похоронила Анна своего мужа въ студеномъ гробѣ! И якже сумный былъ тотъ последнїй походъ! Ни звонъ церковный не озвался, ниже гомонило пѣнїе церковное, обыкновенное при похоронѣ Христїанъ! Гробовою тишиною совершался тотъ гробовый чинъ, — предъ тѣломъ шелъ священникъ и органистъ, а за покойнымъ, вмѣсто численного народа послѣдовали только старый Думовичъ, ревно рыдающая Анна и нѣсколько дѣдовъ; зачѣмъ въ воротахъ съумашедша дѣдичка шалѣющимъ стономъ кричала. — Вотъ! якое житье, такая и смерть! Вѣчная память!

И чтожъ дѣлала теперь молода вдова? имѣла-ли сидѣти въ томъ дворцѣ и слышати ежедневно рыкъ бѣснующейся дѣдички, якъ она разъ ей до ногъ падала и свою милостиву Анну цѣловала, а незадолго въ лице ей плевала? сидѣти-ли въ томъ домку, въ немже сумная тоска Думовича на ню такъ печально дѣйствовала? видѣти развращенны нравы акторки-супруги Филипа, котора есть причиною бѣшенства дѣдички, внимати на ѣдкїи упреки той злобной женщины — на упреки вымѣренны на бѣдну вдову и сироту? . . и наконецъ имѣетъ-ли сидѣти въ томъ домку, въ немже ей невсыпаемый борогъ обитаетъ. О нѣтъ! лучше бы было ей въ одной ямѣ съ Оттономъ на вѣки почивати, нежели на томъ мѣстѣ божїя гнѣва?! И такъ подаривши великодушно тотъ свой дворецъ несчастному Думовичу, взяла съ собою только выговоръ на оный капиталъ, находящїйся въ рукахъ прокуратора Оттона, и пустилась въ дальшїй путь — до Бориса, — до своего дражайшаго стрыя и единственного покровителя на свѣтѣ, дабы учтиво старца за оное униженїе, съ которымъ тогда шалѣюща госпожа Россъ его чуждалась, о извиненїе просити, ему по примѣру блудного сына до ногъ упасти, и снова якъ благодарная дочь на дорогу истинной добродѣтели навернутись. . . .

Былъ то пасмурный день, когда съ Думовичемъ попращалася, и якъ себѣ Анна припоминила тотъ день сумной памятки, въ которомъ предъ годомъ ей мати умерла. При непогодливомъ небѣ еще мрачнѣйшимъ туманомъ покрыта была ей душа, такъ что около себе даже не примѣтила, яко дождевыи тучи цѣлое небо заслонили, и уже въ грубыхъ каплахъ ниспадали. Находилась она съ своимъ нанятымъ возомъ на обширномъ полю, гдѣ ни села, ни якого буди прїюта видно не было. А коли дождь изъ своего неистощимого жерела сталъ проливатись, и свое великаньское время даже до вечера не изъмѣрилъ, то такъ страшенно была промокла бѣдна вдова, что и одна нитка не находилась на ней суха, и только тогда мнила вольнѣйше отдыхати, коли фурманъ при настоящей нощи до якойсь корчмы заѣхалъ.

Призабнувши мимо весны до живого, возжелала въ теплой хатѣ свои ризы осушити, и про тое просила у арендатора яку комнату на ночлегъ. Услужливый жидъ завелъ Анну въ маленькїй притворъ, и съ обѣщанїемъ, якъ найскорыше огонь

на коминкꙋ розложити, помчалася до сѣней. Несчастная вдова такъ безпрерывно наказꙋемая лихою сꙋдьбою, не могла долше болѣзнь сердца оутолити, и мнящи ся оуединенною быти, пролили чꙋвствїя свои въ плачевныхъ восклицанїяхъ:

„Ахъ! мой Боже! мой Боже! чемꙋ я такъ несчастна? чемꙋ такъ неꙋстанно твой гнѣвъ мене посѣщаетъ? ахъ! горе мнѣ! колижъ засїяетъ для мене житейскїй миръ?!"

— „Ха! ха! ха! хохоталъ кїй-то женскїй голосъ гдѣсь бꙋдьто въ стѣнѣ, „ха! ха! ха! то она братчикꙋ тая самая Анна, что съ тобою обрꙋчитись не хотѣла! О добре ей такъ! видно что несчастною есть, — да бꙋдетъ! да бꙋдетъ! ха! ха!". . пищалъ тотъ адовый голосъ.

Бꙋдьто всесильнѣйшимъ електрическимъ оударомъ пораженна, встрепенꙋлась Анна сꙋдорожнымъ треволненїемъ, и прежде нежели возмогла за двери оубѣжати, оузрѣла свою горбатꙋ воспитательницꙋ и ей братчика, оу дверахъ прилежащей комнаты стоящихъ и сатанинскою радостїю хохотающихся. . . . Помчалась бѣдняжка за двери и въ отчаянїи не могла тꙋю загадкꙋ рѣшити, откꙋдꙋ тая мерзская пара тꙋтъ взялась? есть-ли и Праксєда съ нею? и якимъ способомъ таяжъ до притвора своего всꙋнꙋлась? . . . Когда горбатая, оузрѣвши чрезъ тонкꙋ деревяннꙋ стѣнꙋ якого-то нового гостя, добре чрезъ малꙋ трещинꙋ въ стѣнѣ пришедшей женщинѣ присмотрѣлась, пока не оуслышавши ей сердечное моленїе — тайны побѣленныи двери отворила и разомъ съ механикомъ надъ несчастною жертвою злобнымъ образомъ насмѣялась. . .

Помчалась бѣдняжка въ темнꙋ сѣнь, и не разсꙋждаючи долго, что холодна ночь ей примоклой тажкꙋю болѣзнь нанести возможетъ, сѣла на землю, сꙋхою соломою постеленнꙋю коло воза, и ожидала смертною нетерпѣливостїю въ томъ своемъ состоянїи свѣтанїя оутренней зори.

Оужаснѣйшей ночи еще никогда не прожила несчастна Анна! въ комнатѣ жида лился бꙋдьто на дворѣ дождь, а иной хаты, кромѣ оными злобными гостьми занятой не имѣлъ нꙋжденный жидъ, и такъ ожидала въ стайнѣ нꙋжная женщина закостенѣлымъ тѣломъ возстанїя оутренней звѣздки, если таяже только чрезъ тꙋчи томнымъ блескомъ заяснѣетъ; — и истинно, скоро свѣтъ блистати началъ, покатился возъ изъ враждебного мѣста.

Такъ то! кого разъ несчастїе поразитъ, той да не ожидаетъ еще золотыхъ дней! но да прїꙋготовится до борьбы далеко злобнѣйшей — до борьбы съ лихою долею и съ цѣлымъ стадомъ ей дочерей!

Прослозилась молода вдова радостно — сꙋмною дꙋмкою, коли оузрѣла родинное село, роднннꙋ хатꙋ! Ахъ! вотъ видитъ ꙋже и свой прежнїй цвѣтникъ. . . . покрытый теперь бодаками и дикимъ зелїемъ, видитъ мирнꙋю хатинꙋ, но страшенно ободраннꙋ изъ внѣшности, и обложеннꙋ различнымъ бренїемъ и гноемъ — знаменїемъ совершенного нерадѣнїя? На надворьи бавился недалеко входовыхъ дверей якїй-то пятилѣтный хромый и слѣпый на одно око хлопакъ съ двома малыми псами, а изъ сѣней выбѣгало нѣсколько свиней и двое телятъ смѣшно-трагическимъ видомъ.

Якоесь злобное предчꙋвствїе стиснꙋло молодꙋ вдовꙋ за сердце, и дрожащими стопами и смертноблѣднымъ лицемъ вstꙋпила она въ смрадны сѣни.

Малый хлопчакъ оузрѣвши якꙋю то

госпожꙋ, может быти первый разъ въ житїи, росплакалася до крайности, и покатилася хромаючи съ цѣлымъ стадомъ безроговъ и сполошенныхъ кꙋръ до садкꙋ. Не могꙋчи себѣ вытолковати сїю разительнꙋ измѣнꙋ въ родинной хатѣ, всколебалась Анна плачевнымъ движенїемъ печальной своей дꙋши и отворила несмѣло двери давной себѣ знаемой свѣтлицы. Входитъ за порогъ, и ꙗкже дивно выдалось ей быти, коли ни Бориса, ни кого иного въ обѣхъ комнатахъ не оузрѣла! Обзираетсѧ по всѣхъ оуглахъ своего дѣтинного прїюта . . . видитъ еще тїи самыи лавки и столы, той самъ крестъ надъ стѣною, гдѣ ложе матери было, тотъ самъ образъ Їоанна крестителѧ, тꙋю самꙋ шафꙋ . . . и ахъ! ꙗкже жалостныи чꙋвствїѧ обнали ей взволненное сердце?! ба! даже и ключъ стремитъ въ старинной шафѣ! отворѧетъ . . . . и се оузрѣла ветшалыи ризы оусопшей своей матери и свѧточный оуборъ Бориса . . . „Но гдѣжъ онъ есть? гдѣ любимый стрый? о Боже! оумеръ-ли онъ, и стоитъ предъ страшнымъ сꙋдїемъ, чтобъ мою погрѣшимость обвинати? о Боже! ꙗ,! ꙗ! несчастна есмь виновною всемꙋ томꙋ замѣшательствꙋ!“ рыдала сердцекрꙋшительнымъ жалемъ бѣднаѧ сирота въ пꙋстой свѣтлицѣ и цѣловала осталыи ризы оусопшей матери и оскорбленного стрыѧ.

И не могꙋчи больше оудержатись на ногахъ постꙋпилась нѣсколько кроковъ дальше, и впала страшеннымъ безсилїемъ на землю предъ знаменїемъ распѧтого Спасителѧ, . . . и горачо молѧщисѧ прорванными стонами восклицала изъ крайнѣйшихъ глꙋбинъ дꙋши: „Ахъ! гдѣ есть Борисъ? кто мнѣ о томъ сказати можетъ? живъ-ли онъ или оуже мертвъ?“

— „Во имѧ Бога . . . . кто се есть, кто такъ велегласно рыдаетъ? Тфꙋ! а, то что такого? еще подобного не видѣлъ ꙗ! ꙗкаѧсь госпожа валѧетсѧ въ чꙋжей хатѣ и верещетъ гробовымъ голосомъ. Истинно! то ꙗкась бѣда! ꙗкась мара пришедша на мою головꙋ. Настю! Настю! ходи но скорьше и принеси кропило и свѧщеннꙋ водꙋ, най окроплю ꙗкꙋюсь бѣдꙋ, стогнающꙋ, мертвымъ голосомъ въ комнатѣ Бориса!“

„То вы Порфирїй!“ промолвила возбꙋжденна отъ дꙋшевного безсилїѧ Анна, когда оуслышала, что ꙗкїй то мꙋжескїй голосъ надъ нею кричитъ, „а! витайте! но на передъ скажите мнѣ, гдѣ есть Борисъ, ибо оумрꙋ въ сомнительности моей!“ додала возставающаѧ изъ земли блѣдаѧ ꙗкъ трꙋпъ молода вдова.

— „Такъ! такъ! Настю! то истинный дꙋхъ . . . мара! глѧнь но на ей лице, истинно се трꙋпъ! Пекъ ти осина! Исчезай! Во имѧ Отца!“ . . . и сталъ пришедшїй человѣкъ кропити Аннꙋ свѧщенною водою и ꙗкїи то молитвы бормотати, зачѣмъ ꙗкаѧсь женщина на колѣна впадши, лице фартꙋхомъ закрывши безꙋстанно крестомъ св: знаменалась.

Тїи же-два пришельцы не были кто иныи, ꙗкъ сꙋвеверный Порфирїй, дькъ сельскїй и его молода жена Настѧ. „Порфирїй, не познаете ли-мене? сказала Анна оустрашенна еще больше тѣми церемонїѧми.

„Старый! то не мара! она говоритъ, то чтось не самовитого!“ вскрикнꙋла Настѧ отслонаючи очи.

— „Цить! цить! Настю, можетъ быти, что то не мара; то должна быти ꙗкась чаровница, влетѣвшаѧ коминомъ на лопатѣ въ хатꙋ!“

„Чꙋешь ты старый, ꙗкъ собаки стра-

шено вьютъ, истинно то якась бѣда влѣзла до насъ!" . . . .

„Ей Порфирій! не мȣчите мене долше про милость Бога, я не дȣхъ, не мара, ниже чаровница, я есмь Анна, дочь покойного здѣшняго священника, я кратаница Бориса, и пріѣзжаю изъ города по великихъ несчастіяхъ до моего стрыя. Гдѣжъ онъ есть?" (П. с.)

Письмо Высокопреосвященного Кардинала и Митрополита Михаила до Старѣйшины Заведенія Ставропигіального ВБ. Г. Товарницкого писанное.

БЛАГОРОДНЫЙ ГОСПОДИНЕ

Достопочтеннаго Заведенія Церкви Ставропигіальной Львовской Начальниче!

Посѣщая мене въ товариществѣ достопочтенныхъ Членовъ упомянутаго Заведенія, благороднаго Господина Іоакима Хоминскаго и благороднаго Госп. Іакова Савчинскаго, вручило мнѣ Ваше Благородіе собственноручнымъ подписомъ, и подписами достопочтенныхъ Членовъ Ставропигіальнаго Заведенія, снабдѣнное поздравительное привѣтствіе къ Достоинству Кардинала Св. Апостольской Римской Церкви, надѣленному мнѣ, Его Святостью ПАПОЮ ПІЕМЪ IX по милостивѣйшему соизволенію прославяемаго Нашего Императора ФРАНЦИСКА ІОСИФА. Воистину, Почесть сего высокаго Достоинства, въ Божіей Церкви, сообщается такоже всему Духовенству, православному Народу греч. каѳ. вѣроисповѣданія, и достопочтенному Ставропигіальному Заведенію, представляющему изъ древнихъ временъ Русскій Народъ, и старающемуся всегда съ примѣрною ревностью о великолѣпіи гр. каѳ. обряда и такъ есть она съ одной страны послѣдствіемъ твердой постоянности Нашей Руси въ исповѣданіи св. каѳ. Вѣры, и неизмѣнной приверженности къ видимой главѣ Соборной Церкви, Римскому ПАПѢ, а съ другой страны ненарушенной подданнической вѣрности къ великодержавному Императору Австрійскому, Нашему милостивѣйшему Господину.

Понеже безъ Божіей помощи человѣкъ ничего благаго сдѣлати не можетъ, для того непристанно съ умиленіемъ просимъ Всемогущаго подателя всякаго блага, дабы Онъ Насъ въ соединеніи съ Римскою Столицею и въ вѣрности къ милостивѣйшему нашему Императору укрѣпляти и такоже св. Отца ПІА IX и великодержавнаго Императора Нашего ФРАНЦИСКА ІОСИФА при сильномъ здравіи въ позднѣйшее время сохраняти и всякимъ благополучіемъ ущедрити благоволилъ.

Впрочемъ за изъявленное къ мнѣ доброжелательство достопочтеннаго Ставропигіальнаго Заведенія, всѣхъ благородныхъ членовъ Его и достопочтеннаго Начальника Ихъ, искреннѣйше благодарю и при томъ удѣляю мое сердечнѣйшее Архипастырское Благословеніе.

Въ Уневѣ въ день Праздника св. Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1856.

Собственноручно

Михаилъ Кард. Левицкій
Митрополитъ

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПРЕДПЛАТѢ.

Нȣ славити Бога, третій кварталъ оуже окончился! Зоря Галицка, выдержавъ счастливо прошлогодовȣю кризисъ свою, ласкаетъ себе теперь надеждою, что потерянное довѣріе, тотъ главнѣйшій союзъ всякихъ предпріятій, — оу своихъ почт. читателей снова пріобрѣла. На основаніи того то довѣрія оумоляемъ всѣхъ нашихъ почт. читателей, чтобъ излишніи долги за вторый и третій кварталъ, — когда Богъ обильною жаткою нашъ край поблагословилъ, скоропостижно заспокоили, и также на послѣдній кварталъ благосклонно подписались. —

От Редакціи.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.